

ЭДМУНД ГУССЕРЛЬ

ПЕРВАЯ ФИЛОСОФИЯ*

<Лекция 39. Полное содержание универсального
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО ОПЫТА САМОСТИ:

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ НАСТОЯЩЕЕ, ПРОШЕДШЕЕ И БУДУЩЕЕ>

«Я» как постигающее (erfahrendes) мирскую объективность — далеко не целое трансцендентальное «Я», не полное содержание универсально ожидаемого трансцендентального опыта самости. Если мы ближе присмотримся, то последовательное воздерживание от всякого естественно-наивного мироверования (Weltglaube) в мирское,¹ не приводит просто в виду всякого восприятия какого-либо объективного к его чисто трансцендентальному схватыванию, к его схватыванию как трансцендентально чистому «я воспринимаю», но сперва замечается следующее. В естественной установке, обнаруживающей меня как человеческое «Я» и непрерывно сопряженной с моим окружением, к которому я принадлежу, я обнаруживаю себя не только как воспринимающего, и таким образом не только, рефлектируя, говорю: «я воспринимаю», но также и: «я вспоминаю, ожидаю, думаю, сомневаюсь, сравниваю и различаю, я расположен или нерасположен, я сужу и заключаю, я желаю, сожалею, волю и поступаю». Но всем этим актам,

---

* Перевод выполнен по изданию: *Husserl E. Gesammelte Werke*, Bd. VIII. Erste Philosophie / hrsg. von Rudolf Boehm. Den Haag: M. Nijhoff, 1959. Zweiter Teil: Theorie der phänomenologischen Reduktion (Часть 3. К феноменологии феноменологической редукции. Открытие второго пути к феноменологической редукции. Глава 1. Трансцендентальная временная форма трансцендентального потока жизни субъективности.). — *Прим. пер.*

¹ Mundane — мирской, светский, в смысле «сообщества с другими» в мире. — *Прим. пер.*

которые в естественной рефлексии «светски» (mundane) испытываются как эмпирические Я-акты, соответствуют т р а н с ц е н д е н - т а л ь н ы е Я - а к т ы, а последние суть ничто иное, как Я-акты, конкретно исполненные акты мной самим, как посредством трансцендентальной редукции в своей чистой самости и независимости от всякого существования мира ставшим явным Я. Они суть именно такие объективные акты, однако освобожденные от всякой объективирующей апперцепции в установке наивности; объективирование познается, скорее, посредством воздерживания от всякого светского мироверования как некое всякий раз в субъекте как трансцендентальном субъекте исполняющееся действие и само вместе с ним включенное в трансцендентальное содержание. Если я рефлексивно схватываю, напр., некое «я хотел бы, чтобы продолжилась эта прекрасная зимняя погода», то воздерживание от всякого мироверования приводит к тому, что тогда я могу созерцать мое трансцендентально чистое «я желаю то-то и то-то», которое действительно имеет место как мой акт волеизъявления,² и есть то, что он есть, существует мир или нет. Это не некое второе волеизъявление (Wünschen), трансцендентальное волеизъявление наряду с объективным; объективное здесь — сама исполняющаяся во мне апперцепция вместе с самим мной исполняемым верованием опыта (Erfahrungsglauben). И это я усматриваю именно тогда, когда «вывожу из игры» это верование опыта, а именно светское верование, задерживаю (inhibiere) его; соотв., я должен задерживать (если я хочу осознать это, рефлектируя как феноменологическое «Я») то, что собственно и действительно предлежит — как чисто субъективно «желающие» — жизнь и делание в естественном объективировании и в сплетенном с ним тем самым естественном «я желаю». При этом я не смею шадить от феноменологической редукции ничего из светского, причисленного к содержанию естественной рефлексии, как на стороне «Я», так и на стороне того, что осознанно мною как желанное (Gewünschtes). Следовательно, сопряженное с прекрасной погодой полагание действительности, естественно, должно быть также задержано (muß natürlich mitinhibiert sein). Поскольку естественная объективная апперцепция всегда предшествует, я должен при каждом объективно себя предлагающем «я делаю или претерпеваю то-то и то-то» на ощупь (ab tastend) на каждом месте применять редукцию, или, как мы еще можем сказать, исполнять выводящее объективное верование из игры духовное «заклЮчение

---

2 Wünschend-mich-verhalten букв.: «желая-поступание». — Прим. пер.

в скобки» как методическое вспомогательное средство. И так при каждом Я-акте и каждом естественно рефлексивно надлежащем быть схваченном Я-переживании; и каждое мы получаем посредством этого метода как то, что оно есть в трансцендентальной субъективности, как пульс ее истинной и чистой жизни.

Если мы используем удобное картезианское выражение *ego cogito* в качестве универсального титула для каждого из добываемых посредством редукции трансцендентальных Я-состояний (*Ichbestände*), то речь при слове *cogito* идет не о некоем мышлении именно в специальном смысле слова, но оно охватывает не менее, чем каждое [переживание] любви и ненависти, желание и воление и т. д.; всегда, однако, когда мы не говорим отчетливо об эмпирически-естественном «я мыслю», пусть и подразумевая соответствующую трансцендентальную жизнь «Я», следовательно, то, в чем все объективное явлено и положено, чье собственное трансцендентальное бытие, однако, не сохраняет ничего из объективного бытия.

Однако пока мы еще более глубоко не прояснили метод, было бы неплохо удостовериться еще в одном отношении универсальности сферы трансцендентального опыта, а именно сделать ясным, что наш метод приводит не только к трансцендентальной жизни *н а с т о я щ е г о* — к тому *ego cogito*, которое я исполняю сейчас, которое сейчас в течение моей рефлексии протекая разыгрывается для меня как мое настоящее «я воспринимаю, я мыслю, я желаю, я делаю». Как в естественной установке как «я-человек» (*Ich-Mensch*) я знаю о моей прошедшей и будущей жизни, ретроспективно и перспективно, так я знаю, применяя трансцендентальную редукцию, также и о моем трансцендентальном бытии или жизни *в п р о ш е д ш е м и б у д у щ е м*; и знаю это из трансцендентального опыта. Опыт есть в первую очередь восприятие; но и *в о с п о м и н а н и е* и — известным способом — *о ж и д а н и е* также есть опыт, и им мы изначально обязаны всяким знанием о прошедшем как прошедшем и будущем как будущим.

Оттолкнемся от примера. Я вспоминаю свою вчерашнюю прогулку к Шлоссбергу. Если я применю здесь метод заключения в скобки, тогда не только из игры будет выведено мое настоящее телесное восприятие, мое совокупное мирское восприятие настоящего и город вместе со Шлоссбергом как настоящим присутствием — феноменологическая редукция затронет также и всю прогулку к Шлоссбергу целиком, согласно всему, что здесь объективно положено. Она простирается в прошлое,

затрагивает мое прошедшее эмпирическое «Я», прошедшее тело, бытийные содержания прошедших внешних восприятий, посредством которых город, его улицы, по которым я бродил, Шлоссберг, на который я вчера поднимался, были даны мне как факты объективного присутствия. Здесь я сразу же обращаю внимание на то, что воспоминание все же двойным способом доставляет мне трансцендентальное. С одной стороны, я вспоминаю, и когда я вывожу из игры всю вселенную или же задерживаю затрагивающее ее совокупное верование опыта, то это рефлексивно воспринятое «я вспоминаю» остается для меня как мое теперешнее переживание. С другой стороны, предомной предстает (*vergegenwärtigt sich mir*) в этом теперешнем переживании моя прошедшая прогулка к Шлоссбергу. Конечно, прошедшее событие, которое как действие моей человеческой личности было психологически-реальным событием в мире, я не могу использовать в суждении; поскольку мое повторное воспоминание есть вера в это реальное прошедшее, эта вера, посредством моего феноменологического выключения вера выведена из игры. Однако при более внимательном рассмотрении в моем «я вспоминаю» со-заключено «я обладаю воспринятым» (*Ich habe wahrgenommen* (я воспринял)); а в прошедшем поступке: «я пожелал и совершил». Если Шлоссберг, мое тело, мои идущие ноги и т. д. как прошедшее бытие могли и не иметь места, могли быть трансцендентальной иллюзией, все это с его бытием может пребывать как всегда, целый континуум воспринимания (*wahrnehmen*) посредством пути и цели останется значим для меня по мере восприятия как действительность, а стремление, воление, делание, которое было заодно с восприниманием моим свершающимся переживанием, не устранено посредством воздержания от суждения о светском бытии. Следовательно, мне не только дано сейчас как настоящее трансцендентальное переживание это «я вспоминаю», но в нем заключается воспоминание о моей прошедшей трансцендентальной жизни. Это относится ко всякому воспоминанию. Всякое воспоминание очевидным способом допускает двойную трансцендентальную редукцию, из которых одна подает воспоминание как мое трансцендентальное настоящее переживание, в то время как вторая, удивительным образом проникая в репродуктивное содержание воспоминания, раскрывает часть моей прошедшей трансцендентальной жизни. Если, поступая так, я пройду по цепи моих повторных воспоминаний, если я позволяю некоему нахлынувшему воспоминанию как бы непрерывно

вести меня к актуальному настоящему и если я применяю к непрерывно приходящему к пробуждению ряду воспоминаний трансцендентальную редукцию, то я усматриваю тем самым мое непрерывное трансцендентальное прошлое вплоть до некоторого сейчас; но только согласно некоторой части; ибо если я, напротив, спрашиваю о прошедших, постоянно репродуктивно пробуждая все новые дали воспоминания, то я вижу, применяя феноменологическую редукцию, что моя трансцендентальная жизнь непрерывно простирается назад в бесконечное прошлое.

Несколько иначе обстоит дело с будущим, поскольку «предвидение» о ж и д а н и я не только не есть действительное видение, но не есть также и точный аналог некоего как бы вновь-пред-собой-видения путем превращающего в настоящее воспоминания. Но все же, также и в случае пред-ождаемого мы можем применить феноменологическую редукцию, и мы опять-таки обнаруживаем посредством трансцендентальной редукции некое двойное трансцендентальное, с одной стороны, ожидание как настоящее трансцендентальное переживание и, с другой стороны, как заключенное в нем по мере ожидания, ожидаемое содержание; и поскольку постоянно к а ж д о е настоящее непрерывно приводит с собой некий горизонт ожидаемого будущего, мы опять таки имеем, аналогично бесконечному горизонту трансцендентального прошлого, некий бесконечный горизонт трансцендентального будущего. Мы видим, вместе с миром выведено из игры о б ъ е к т и в н о е в р е м я, то самое время, которое есть форма светских объективностей как сущих. С другой стороны, однако: «Я», трансцендентальное «Я», проживаю трансцендентальную жизнь, которая представляет себя в непрерывном трансцендентальном опыте в некоей собственной трансцендентальной форме времени, которая — способом, который надлежит описать более точно — имеет форму жизни настоящего, которая (жизнь) несет в себе бесконечный горизонт воспоминания и ожидания, который, раскрываясь, показывает двусторонне бесконечный трансцендентальный жизненный поток.

<Лекция 40: РЕФЛЕКСИЯ КАК РАСКОЛ Я И ИДЕНТИЧНОСТЬ Я
В ТЕКУЩЕМ ЖИВОМ НАСТОЯЩЕМ>

Однако необходимо более глубокое размышление о том, чем я обладаю в моей трансцендентальной жизни и какую роль здесь играет исключен-

ная по мере суждения светская объективность, которая все ж таки посредством этого выключения не перестает являться мне. Дом, который я воспринимаю, когда я перехожу к трансцендентальной установке и схватываю мое я-вос-принимаю (*Ich-nehme-wahr*) как трансцендентальное переживание, все ж таки не перестает быть воспринимаемым в этом восприятии, быть в нем предположенным (*Geglaubtes*), в нем удостоверенным, не перестает предстоять, быть таким-то и таким-то сущим, с этой красной крышей и т. д. Но как, если я заключил в скобки это существование дома, выключил, следовательно «вывел из игры» это верование наивного восприятия? Если я отнимаю от восприятия его верование, то оно уже больше не есть восприятие. Бесполезно говорить: верование восприятия не позволяет просто забрать себя от восприятия, как если бы оно было некоей отделимой частью. Но об этом речь вовсе и не идет; но также и о некоем «выведении-из-действия, «из-игры». Совершенно верно. Но, не означает ли это добавлять нечто к восприятию?³ Во всяком случае, посредством феноменологического «заклучения в скобки» мое изначальное переживание меняется. Но посредством этого заключения в скобки я удерживаю, так это все-таки значит, мое «я воспринимаю» как переживание, таким, каким оно действительно и чисто в себе есть или было. Я удерживаю его как составную часть моей трансцендентальной субъективности, которая со своей стороны есть ни что иное как «Я» и жизнь «Я», как эта жизнь есть в себе и для себя самой, существует некий мир или нет, и которая в самой себе, в своей жизни, опыте мира — как ненадломленное особой жизнью верование — исполняет и посредством этого осознает прежде всего мир как сущую в себе действительность.

Если я следуя предписанию метода, то я признаю эту трансцендентальную субъективность и то, что о ней сказано, я фактически созерцаю ее. Но если я рефлектирую именно так, как только что о методе, то я начинаю сомневаться, пригоден ли этот метод к тому — и возможно ли это вообще — чтобы выявить трансцендентальную субъективность и ее жизнь.

Но здесь я не потерплю никаких неясностей. Я должен, прежде всего в отношении того рода трансцендентально-редуктивного метода, который я применяю и должен применять и каким я его должен понимать для того, чтобы не впасть в путаницу, отдавать себе строжайший отчет. Я начинаю мое рассуждение естественно (*naturgemäß*) как е с т е с т в е н н о е с а м о с о з е р ц а н и е (*natürliche Selbstbe-*

---

3 Aber heißt nicht so tun, der Wahrnehmung etwas antun? — *Прим. пер.*

s i n n u g) или рефлексию. В качестве примера, которому я прежде всего буду следовать, пусть еще раз послужит восприятие дома. Данное начало означает, что я воспринимаю в наивной самоотдаче, в известном смысле в утрате себя. Я весь поглощен рассмотрением этого дома. Это не утрата себя, присущая глубокому сну. «Я» бодрствует, оно есть актуальное «Я», т. е. исполняющее «Я» некоего акта, единственное конкретное выражение которого имеет форму: «я мыслю, *ego cogito*», и чье полное выражение требует еще обозначения соответствующего *cogitatum*, того, о чем я мыслю. В грамматической субъектно-объектной предикации выражается однородность (*das Einzigartige*) структуры *actus* с субъектом акта и объектом акта. В акте (*im Aktus*) исполняющее «Я» направлено на осознанный в самом акте объект, занято этим объектом.⁴ В нашем случае «Я» есть исполняющее некое восприятие «Я». Но то, что (*daß*) я есть оно — и в этом состоит утрата себя, о которой идет речь — об этом я ничего не знаю, и это свидетельствует о том, на что я не направлен. Это происходит только в гештальте рефлексии, восприятия более высокого уровня. В нем воспринятое есть уже не дом, а «я воспринимаю дом», именно так фактически и верно высказывается содержание рефлексии в простом суждении восприятия. Что происходит или произошло в этой рефлексии? В этом самовосприятии явно то, что я возвожу себя как «Я» рефлексии над актом «я воспринимаю», над тем актом, поглощенный исполнением которого, я не распознавал его и моего как исполняющего субъекта. И я как это вновь возникающее «Я» рефлексии опять обладаю своим возникновением в акте «я воспринимаю», в котором я превращаю то забывшее себя «Я» и то прежде невоспринятое «я воспринимаю дом» в воспринятое содержание, схватывающе направляя себя на него.

Конечно, когда я приступаю к рефлексии, наивное восприятие забытого себя «Я» уже миновало. Его я схватываю, рефлектирую сейчас, только посредством улавливающего возвращения в «еще-обладание-осознанным» (*Nochbewußthaben*) так называемой «ретенции», непосредственно примыкающего к оригинальному переживанию последующего воспоминания (*Nachherinnern*). Только таким способом рефлектирующе возвращаясь я могу распознать (*kann ich gewahren*) наивное восприятие и забытое себя «Я», распознавание (*Gewahren*) есть,

⁴ Im Aktus ist das vollziehende Ich auf das im Aktus selbst bewußte Objekt gerichtet, mit ihm beschäftigt. — *Прим. пер.*

следовательно, первоначально последующее распознавание (N a s h g e w a h r e n), а не всецело первоначально воспринимающее схватывание; но все таки некое схватывание. Если восприятие — в нашем примере восприятие дома — продолжается и после того, как я уже установил себя как рефлектирующее «Я», то я обладаю для этого далее продолжающегося восприятия не неким временным «врозь» (ein zeitliches Auseinander) этого «Я», которое направлено на дом, а, с другой стороны, другим «Я» рефлексии, которое направлено на первое «Я» и на его воспринимающе-на-дом-направленное-бытие; как это было в период возвращающегося последующего распознавания забывающего себя воспринимания. Но в живом настоящем я обладаю в сосуществовании удвоенным «Я» и удвоенным «Я-актом; следовательно, тем «Я», которое сейчас непрерывно рассматривает дом, и тем «Я», которое исполняет акт: «я осознаю, что я непрерывно рассматриваю дом», который выражается в форме: «я рассматриваю дом». Ибо, естественно, это простое предложение есть высказывание рефлектирующего «Я», а высказанное в нем «Я» есть рефлексивно схваченное «Я».

Далее: исполняющее рефлексию «Я» явно пребывает в модусе «забывшего себя «Я», а его собственный распознающий акт есть забывающий себя акт. Но если мы спросим, откуда мы знаем об этом забывании себя на более высоком уровне, ответ ясен, он тот же что и для забывания себя на низшем уровне: посредством рефлексии, а сейчас именно посредством рефлексии второго уровня, и относящимся к ней рефлектирующим и со своей стороны вновь забывающим себя «Я», которое выражая свое восприятие, могло бы сказать: «я сознаю, что я воспринимаю этот дом». В свою очередь следовало бы показать, что при этом следует различать фазы ретенционального возвращения и последующие фазы, в каковых сопряженные друг с другом в расколе «Я» «Я»-субъекты принадлежат к одному и тому же текущему настоящему. Мне почти не нужно говорить, что каждая новая, выше поднимающаяся рефлексия приводит к возникновению нового «Я» как субъекта исполнения, что, например, третье «Я» и его акт сопряжено со вторым, а второе с первым.

Перевод с немецкого Ю. Орловой